

Что бывает с нераскаянными незаконными сожителями?

Достопочтенный петербургский протоиерей А.П.Васильев сообщил интересные подробности об одной печальной кончине, невольным свидетелем которой он был. «Начало моего иерейского служения, - рассказывал он, - я полагал в одном селе под Петербургом на месте своего тестя. Однажды я вошел в вагон поезда для обычной поездки в Петербург. Вагон оказался переполненным пассажирами, и мне пришлось стоять. Окидывая взором сидящую публику, я обратил внимание на одну миловидную девушку. Она, заметив мой взгляд, радостно встрепенулась, как бы увидев во мне родного человека. Ласково улыбаясь, она затем подвинулась и уступила немного места, чтобы мне присесть. Усевшись, я спросил ее: «Откуда и куда вы едете?» Она отвечала, что едет из города Орла в Петербург, чтобы поступать на высшие женские курсы. Мы разговорились. Она оказалась дочерью священника, и звали ее Ольга Яковлевна Смирнова. Я спрашиваю ее: «Что же, вы с согласия родителей приехали учиться?» «Нет, - отвечала она, - мои родители были против поездки, но мне так хочется учиться, что я решила без их согласия уехать». Я по поводу такого своеволия неодобрительно заметил ей: «Ах, как нехорошо, что вы решились без родительского благословения пускаться в такой долгий и опасный путь». Когда поезд прибыл в Петербург и мы вышли из поезда, я увидел, что Ольга Яковлевна растерянно и беспомощно стоит, не зная, куда ей идти. При наблюдении за ней мне пришла мысль, что, пожалуй, она так легко может попасть в руки недобрых людей. Я тотчас оторвал листок из записной книжки и написал записку своим родным с просьбой приютить на время Ольгу Яковлевну, пока она найдет квартиру. Ольгу Яковлевну приняли, как родную, и она прожила у моих родственников около трех месяцев до того, как подыскала себе комнату. Приблизительно через полгода после того мне пришлось быть в Петербурге в Государственном банке по делам церкви. К своему удивлению, я увидел там за конторским столом Ольгу Яковлевну, которая оказалась служащей банка. Удивленный этой неожиданностью, я спросил ее: «Разве вы не поступили на курсы?» Она объяснила, что отсутствие средств к жизни заставило ее предварительно заработать деньги для последующих занятий на курсах. Во время моего разговора с Ольгой Яковлевной я заметил, что сосед по конторе - молодой человек с длинными усами и пронизывающим взглядом - поглядывал в нашу сторону и прислушивался к разговору. В его взгляде я видел что-то недоброе и опасное для души Ольги Яковлевны. С грустным предчувствием за будущность этой девицы и с болью в сердце я вышел из банка. Через полгода после этой встречи, когда я уже жил в Петербурге, прохожу однажды мимо Екатерининского парка и издали вижу такую неприятную для себя картину: Ольга Яковлевна идет под руку с усатым конторщиком и, приклонив свою голову к его плечу, страстно вглядывается ему в лицо. Мне тогда стало ясно, что судьба этой молодой девицы была плачевно решена и находилась в руках этого коварного молодого человека. Омраченные страстью молодые люди меня не заметили, и я прошел мимо, унося в душе от этой встречи тоскливое предчувствие какой-то катастрофы в судьбе молодой девицы. Прошло после этого приблизительно лет семь. Как-то раз летом мне необходимо было побывать в Олуховской больнице и

увидеть главного врача. Он оказался в нижнем этаже, в венерическом отделении. Сестра милосердия, зная о моем знакомстве с врачом, предложила мне надеть халат и спуститься, говоря, что там я встречу врача и переговорю с ним о своем деле, не отрывая его от работы. Врач, увидев меня, покачал головой и сказал: «Ну, батюшка, я не рекомендовал вам бывать в этом отделении, тем более что вы отец семейства». Говоря с врачом по своему вопросу, я заметил в углу палаты стоящий закрытый гроб и невольно заинтересовался: «Чей это гроб, кто умер?» Тогда врач небрежно ответил: «Одна тут девица умерла». Затем, обратясь к дежурной сестре, сказал: «Посмотрите регистрационный листок». Сестра милосердия, читая его, сказала: «Это умерла девица О.Я.Смирнова». Такое сообщение потрясло меня до глубины души. Я пожелал поглядеть на ее лицо. Врач отвечал: «Я не советую вам этого делать, так как умершая произведет на вас тяжелое впечатление», - но я его упрямил открыть гроб. Действительно, зрелище предо мною открылось страшное. Лицо усопшей представляло нечто ужасное: носа не было; на его месте зияло глубокое отверстие; веки и губы были съедены болезнью. Открытые глаза и зубы Ольги.

Отечник